
**«В зеркале переписи отразилось не то лицо»:
рабочие промышленности СССР
по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Михаил Фельдман

**«The census reflected a wrong face»: Soviet industrial workers according to
the National population census of 1926**

*Mikhail Feldman (The Urals Institute of Administration – Branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ekaterinburg)*

Широко известна фраза писателей Ильфа и Петрова «Статистика знает всё». Немногие знают, что родилась она под влиянием первой Всесоюзной переписи населения СССР, прошедшей в конце 1926 г. Впрочем, справедливость этого заявления стала вызывать сомнения уже вскоре после опубликования 56-томного собрания материалов переписи. Более того, с конца 1920-х гг. понятия «статистика» и «ложь» становятся синонимами в сознании как населения СССР, так и исследователей советской истории.

Чем же вызван такой феномен? Ведь точность собранных данных не вызвала сомнений, более того, за рубежом перепись признана эталоном, а у нас – классикой переписного дела. К сожалению, произошло это под влиянием внешнего фактора: статистическая база не сходилась с фундаментальным идеологическим постулатом о наличии в СССР полноценного рабочего класса – многочисленного, занимающего «ведущее положение в системе общественных отношений», политически зрелого и готового к управлению страной¹.

Диктат идеологии десятилетиями затруднял аналитические исследования, в том числе и по указанной тематике. В исторической литературе господствовало представление о качественных отличиях рабочего класса середины 1920-х гг. от дореволюционного пролетариата. Материалы же переписи 1926 г. – одного из самых обширных опубликованных источников советской эпохи – историки либо обходили стороной, либо выбирали из них отдельные цифровые показатели, призванные подкрепить заранее определённые выводы².

Например, книга А.И. Вдовина и В.З. Дробижева «Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг.» в разделе «Источники» материалы переписи не упоминает вообще³, знакомство же с ними демонстрирует весьма своеобразно – ссылкой на вышедший в 1961 г. сборник статей, к тому же не указывая автора цитируемой публикации⁴. С учётом того, что эта монография справедливо может рассматриваться как наиболее основательное исследование по истории советского рабочего класса, упоминание в ней только одного факта (квалификация

© 2016 г. М.А. Фельдман

¹ См., например: История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. М., 1984. С. 424.

² Примечательно, что история рабочего класса СССР уделяет материалам переписи всего несколько строк. См.: История советского рабочего класса. С. 86, 90.

³ Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976. С. 31.

⁴ Там же. С. 92.

промышленных рабочих) из огромного массива переписных данных вызывает удивление.

Ещё один красноречивый пример – книга Л.И. Васькиной «Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение)»⁵. Она претендовала на то, чтобы дать исчерпывающую характеристику состояния отряда промышленных рабочих СССР по состоянию на декабрь 1926 г. Казалось бы, материалы переписи должны были сыграть в решении этой задачи важную роль – автор позиционировала своё исследование как первую попытку «охарактеризовать эту перепись как источник по истории рабочего класса СССР»⁶. Однако ответ на вопрос «почему, несмотря на бесспорную достоверность, широту и многосторонность материалов переписи 1926 г., они крайне мало вовлечены в научный оборот?» озадачивает: «На наш взгляд, это объясняется громоздкостью самого источника, в 56 томах которого содержатся тысячи цифровых показателей. Их анализ требует специальной, очень большой по объёму предварительной подготовки»⁷.

«Громоздкость источника» не помешала Васькиной ввести в научный оборот широкий набор сведений: о доле рабочего класса в населении страны; о численности и составе рабочих крупной промышленности; о соотношении городских и сельских рабочих. В работе прозвучал смелый по тем временам вывод о том, что переход к ускоренной индустриализации совершался в обстановке, когда «численность рабочих была сравнительно невелика» и «ещё не достигла довоенных размеров»⁸. Не менее важным оказалось и замечание автора, что в 1926 г. самой большой профессиональной группой рабочего класса СССР являлись сельскохозяйственные рабочие, среди которых городских жителей насчитывалось всего 4.2%⁹. То есть данная монография, без сомнения, внесла немалый вклад в изучение рабочей истории. Однако каких-либо иных обобщающих характеристик рабочих промышленности она не содержала. Думается, что за словами «разработка материалов переписи возможна лишь коллективными усилиями»¹⁰ стояли не столько ограниченные возможности самой исследовательницы, сколько идеологические догмы, заставлявшие воздерживаться от научных комментариев по поводу перемен в рабочей среде, произошедших в 1921–1926 гг.

Новые подходы к осмыслению темы исследования отмечены в работах В.Б. Жиромской¹¹, которая одной из первых рассмотрела демографические характеристики промышленных рабочих (в профессионально-отраслевом разрезе). Особый интерес вызывает её суждение о качественном улучшении состава рабочих в первой половине 1920-х гг. – за счёт возвращения с фронта и из деревень квалифицированных рабочих, а также притока молодёжи¹². Заслугой Жиромской и других авторов школы академика Ю.А. Полякова явилось

⁵ Васькина Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение). М., 1981.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же. С. 36–37.

⁹ Там же. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной культуры. М., 1988; она же. После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М., 1996; Население России в XX веке. В 3 т. Исторические очерки. Т. 1: 1900–1939 гг. М., 2000.

¹² Население России в XX веке. Т. 1. С. 157.

не только введение в научный оборот сведений о количественном росте, территориальном расположении, образовательном уровне промышленных рабочих СССР в период между городской переписью 1923 г. и Всесоюзной переписью 1926 г., но и изучение комплексных мер советского государства по повышению квалификации, образования, улучшению санитарных условий занятых в промышленности¹³. Так, было исследовано влияние на социальное развитие рабочих специализированных научно-исследовательских институтов, изучавших природу заболеваний на производстве¹⁴.

В последние годы появились интересные исследования, в которых приведены важные сведения о положении рабочих в 1920-е гг. Так, условия их проживания подробно рассмотрены в монографии М.Г. Мееровича «Наказание жильём: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937)»¹⁵. Эволюция заработной платы, формы материальной мотивации нашли отражение в книге А.А. Ильюхова «Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг.»¹⁶.

Тем не менее комплексное исследование количественных и качественных характеристик промышленных рабочих СССР на основе материалов переписи 1926 г. в научной литературе долгое время отсутствовало. Их разработка нашла отражение в монографии С.П. Постникова и М.Ф. Фельдмана «Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.», хотя главным образом в контексте сравнения с материалами предшествующих переписей и второй Всесоюзной переписи 1939 г. Отдельно хотелось бы отметить: если сравнение промышленного потенциала СССР с развитыми капиталистическими странами прочно вошло в практику научных исследований, то примеры сравнения характеристик отрядов индустриальных рабочих носят единичный характер.

Данное исследование ставит целью, во-первых, проанализировать совокупные характеристики рабочих промышленности СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.; во-вторых, реконструировать на основе этого и смежных источников образ «класса-гегемона», который мог сложиться у руководства СССР к концу 1920-х гг.; в-третьих, сравнить характеристики промышленных рабочих СССР по переписи 1926 г. и Германии по переписи 1925 г.¹⁷ Такое сопоставление поможет понять причины внутри- и внешнеполитических выборов советского политического руководства.

Прежде всего следует отметить, что уникальность материалов переписи 1926 г. во многом определяется её открытостью для исследователей и досто-

¹³ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986; Жиромская В.Б. Демографическая история России 1930-х гг.: взгляд в неизвестное. М., 2001; Араловец Н.А. Российское городское население в 1897–1926 гг.: брак и семья. М., 2004.

¹⁴ Араловец Н.А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в. – 20-е годы XX в. Социально-экологический аспект // Историческая экология и историческая демография. М., 2003. С. 124.

¹⁵ Меерович М.Г. Наказание жильём: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937). М., 2008.

¹⁶ Ильюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941. М., 2010.

¹⁷ Опыт подобного сравнения промышленных рабочих двух стран по переписям 1939 г. был выполнен в 2009 г. См.: Фельдман М.А. Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительный анализ // Российская история. 2009. № 6. С. 79–93.

верностью¹⁸. Согласно подсчётам, численность рабочих цензовой промышленности СССР составляла 2 291.1 тыс. человек¹⁹, т.е. была меньше численности дореволюционного пролетариата России (3 114.9 тыс.) на 26.5%. Правда, до революции почти $\frac{1}{6}$ часть рабочих числилась на предприятиях Польши и Прибалтики, ставших после 1917 г. «зарубежьем»²⁰. Но даже если взять территорию СССР на момент проведения переписи, то и в этом случае советский рабочий класс численно уступал довоенному (2.6 млн человек). Приведенные цифры опровергают официальный вывод о «завершении собирания сил рабочего класса к 1926 г.»²¹. Наглядна также и глубина социальных потрясений периода 1914–1922 гг., её влияние на рабочую среду страны.

Сопоставляя эти данные с численностью рабочих промышленности Германии (в июне 1925 г. 9.781 млн человек²²), можно сделать вывод о наличии двух пролетарских социумов: советского, чьи характеристики были типичны для общества, находившегося на раннеиндустриальной стадии развития²³, и немецкого, действовавшего в условиях завершённой индустриализации.

Драматические события военных лет (1914–1920 гг.), прерывность процессов индустриализации и урбанизации привели к ряду неоднозначных перемен как в положении промышленных рабочих СССР в обществе, так и в их среде. Согласно переписи 1926 г., удельный вес фабрично-заводских рабочих в самодеятельном населении СССР составлял 2.7%²⁴. Для сравнения отметим, что аналогичный показатель (правда, всех промышленных рабочих, включая ремесленников) составлял в Германии тех лет 21.8%²⁵. Сравнение может показаться некорректным, если не учитывать важного обстоятельства: советская перепись зафиксировала состояние слоя промышленных рабочих перед самым началом его бурной трансформации²⁶.

Если говорить об удельном весе фабрично-заводских рабочих в общей массе промышленных рабочих по регионам, то на первом месте находился Ленинградско-Карельский район (55.7%). Общесоюзный же показатель составлял 40.9%²⁷. Относительно невысокий процент этой категории рабочих объяснялся незавершённостью процессов индустриализации в ряде регионов СССР. В то же время он не мог не вызвать сомнений относительно самой возможности социума рабочих выступать в роли гегемона во всех областях общественной и политической жизни.

Интересно, что, по нашим подсчетам, доля численности рабочих цензовой промышленности в самодеятельном населении страны в сравнении с показа-

¹⁸ Достоверность материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. подтвердила и ведущий демограф РФ В.Б. Жиромская в личной беседе с автором в Институте российской истории РАН в 2007 г.

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. М., 1930. С. 2–3.

²⁰ Подсчитано по: *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. М., 1976. С. 47–48, 50.

²¹ См., например: *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР.* М., 1981.

²² *Statistik des Deutschen Reichs.* Bd. 408. Volks, Berufe und Betriebszahlung vom 16 Juni 1925. Berlin, 1931. S. 181.

²³ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 8.

²⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 2–3.

²⁵ *Statistik des Deutschen Reichs.* Bd. 408. S. 190. См. также: *Веллер Г.У.* История развития немецкого общества. Т. 4: 1914–1949 гг. Мюнхен, 2003. С. 312.

²⁶ См.: *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч.

²⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 2–3.

телями 1897 г. изменилась незначительно. Это объяснялось не только последствиями Гражданской войны и несовпадением процессов демилитаризации и конверсии в экономике, но и сменой самой парадигмы развития промышленности. В годы нэпа оборонные заводы, ранее определявшие темпы и направленность индустриального развития, утратили своё прежнее значение для модернизации народного хозяйства.

Крупнейшими по численности фабрично-заводских рабочих регионами являлись: Центрально-промышленный (ЦПР) – 839.8 тыс., или 36.6% от общей численности рабочих СССР; Украинский – 509 тыс., или 22.2%; Ленинградско-Карельский – 261.1 тыс., или 11.4%; Уральский – 150 тыс., или 6.5%²⁸. Здесь было сконцентрировано 76.7% всех рабочих цензовой промышленности страны. В 1913 г. этот показатель был ниже – примерно 65%. Перепись показала, что период войн, потрясений и разрухи вызвал сокращение численности промышленных кадров прежде всего в провинциальной России, усилив локальный характер её индустриализации.

При разработке материалов переписи за основу брался не производственный, а профессиональный признак. Анализ состава фабрично-заводских рабочих на его основе показывает, что двумя крупнейшими отрядами советских рабочих оставались металлисты (21.6%) и текстильщики (20.8%) – разве что на протяжении предыдущих десяти лет очередность мест указанных профессиональных отрядов менялась. На долю горнорабочих приходилось 8.6%. Сокращение по сравнению с довоенным временем доли рабочих кожевенной, пищевой, табачной отраслей, отнесённых к цензовой индустрии, в основном объяснялось тем, что примерно равные по численности группы рабочих указанных отраслей были отнесены и к крупной, и к мелкой промышленности²⁹. Тот факт, что самой большой профессиональной группой являлись металлисты, означал сохранение потенциала и возможностей индустриального развития страны.

В Германии изменения занятости, связанные с отраслевой структурой, носили заметно меньший масштаб. Доля трудившихся в машиностроении и металлообработке составила 20.4% в 1907 г.³⁰ и 21.7% в 1925 г. Невелики были изменения и в лёгкой промышленности, где в 1925 г. производством одежды и обработкой кожи занимались 13.5%, а текстильной продукции – 10.4% промышленных рабочих³¹. Эти данные отражают как стабильность отраслевой структуры промышленного пролетариата на стадии завершённой индустриализации, так и особенности периода демилитаризации индустрии.

В советской промышленности сохранялась дореволюционная концентрация металлистов в немногих промышленных центрах. В РСФСР более 60% рабочих-металлистов трудились на заводах ЦПР и Ленинграда³². Ещё большей была региональная концентрация у текстильщиков: 81% из них работали на фабриках ЦПР, 7.9% – в Ленинградско-Карельском районе. Горнорабочие были представлены в основном шахтёрами Донбасса, немногочисленными группами

²⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. М., 1931. С. 134; Т. XXXVI. С. 2–17.

²⁹ Васькина Л.И. Указ. соч. С. 91.

³⁰ Воблый К. Третья профессионально-промысловая перепись в Германии (Опыт аналитико-методологического исследования). Киев, 1911. С. 374.

³¹ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland seit dem Ende des 18. Jahrhunderts. Bonn: Dietz. Bd. 12. S. 338.

³² Васькина Л.И. Указ. соч. С. 78.

горняков Урала и Сибири; к ним примыкали нефтяники Баку³³. Подобная узкая специализация регионов в гигантской по территории стране препятствовала задачам индустриализации, но не являлась непреодолимой.

Результаты переписи 1926 г. позволяют отметить особенности социального состава рабочих СССР. Так, из всех рабочих цензовой промышленности только 41.5% родились в городах и городских посёлках³⁴. То есть рабочий класс почти на 60% оставался крестьянским по происхождению. Но нельзя не отметить и весомые сдвиги, имевшие место с конца XIX в. Напомним, что по данным переписи 1897 г. лишь примерно 20% рабочих России продолжали семейную традицию. Среди остальных 80% доминировали крестьянские пополнения³⁵. Удвоение прослойки, рабочей по происхождению (с 20 до 41.5%), указывало на незавершённую, но, тем не менее, очевидную направленность процесса формирования и воспроизводства постоянных кадров пролетариата.

Для сравнения отметим, что в довоенном 1913 г. 72% рабочих Германии являлись выходцами из рабочих семей (к 1939 г. этот показатель вырос до 80%)³⁶. Это указывает как на высокий уровень самопополнения, так и на незначительность слоя маргиналов в составе немецкого рабочего класса. Очевидно было и устойчивое преобладание в его составе городских жителей.

Среди рабочих цензовой промышленности СССР 39.4% были зарегистрированы как местные уроженцы. 28% «неместных» проживали в своих поселениях с довоенного времени, т.е. 12 и более лет³⁷, – срок достаточный для того, чтобы перестать считать себя пришлыми, но зачастую малый для превращения, подобно коренным рабочим, во владельцев жилищ и земельных участков. Между тем обе эти категории представляли собой костяк довоенного рабочего социума, что указывало на прочность индустриального потенциала страны. Более того, думается, что в эпоху войн и революционных потрясений, подтолкнувших ряд историков к употреблению термина «катастрофа»³⁸, проверку на прочность прошла (с колоссальными, конечно, потерями) и российская цивилизация в целом³⁹.

Относительно небольшое число рабочих из состава «неместных», прибывших в районы поселения в годы Первой мировой и Гражданской войн (соответственно 6.3 и 9.3%), свидетельствовало о преимущественно временном характере миграций 1914–1920 гг. Самая крупная из них (28.6%) была связана с возвращением рабочих из сельских районов в города и с переходом рабочих городских поселений к промышленному труду как главному занятию в 1924–1926 гг.⁴⁰ Миграция внутри рабочего социума СССР носила маятниковый характер (город–село–город либо: предприятие–армия–предприятие) и имела (с учётом дефицита рабочих мест) ограниченный масштаб.

³³ Подсчитано по: Там же.

³⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. С. 112.

³⁵ Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966. С. 107.

³⁶ Подсчитано по: Веллер Г.У. Указ. соч. С. 314.

³⁷ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. С. 134.

³⁸ См., например: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 г. М., 2001.

³⁹ См. также: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг.: численность, состав, социальный облик. Екатеринбург, 2001. С. 332.

⁴⁰ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. С. 134.

51.9% советских фабрично-заводских рабочих относились к категории квалифицированных (профессий со средней тарифной оценкой не ниже 6-го разряда); 25.6% — к полуквалифицированным (4–6 разряды); 22.5% — к неквалифицированным (не выше 4-го разряда)⁴¹. Однако примечательна оговорка Л.И. Васькиной: к квалифицированным были отнесены и рабочие с профессиями, «не требующими обучения, как, например, саночники или вагонщики в горном деле, которые занимают высокое место в тарифной шкале в силу особо тяжёлых условий их труда»⁴². Искусственный характер такой классификации очевиден, что затрудняет сравнение с промышленностью Германии, где в середине 1920-х гг. к категории квалифицированных относились 60% рабочих⁴³.

Вместе с тем наличие как минимум миллиона квалифицированных рабочих позволяло использовать их как для обучения пополнений трудовых коллективов, так и для решения сложных производственных задач. Сохранение столь крупного отряда передовых рабочих способствовало развитию «индустриальных» традиций отношения к фабрично-заводскому труду. Сказалась и целенаправленная деятельность советских и профсоюзных организаций по повышению общей и профессиональной культуры рабочих⁴⁴.

В рассматриваемый период заметны изменения в демографической структуре рабочего класса. На фоне прерывной динамики роста удельного веса женщин среди трудившихся в цензовой промышленности (27% в 1900 г., 31% в 1913 г., 27.3% в 1926 г.⁴⁵) усиливалась специализация отраслей в зависимости от пола. Среди металлистов доля мужчин выросла с 90% в 1900 г. и 94% в 1913 г. до 95.6% в 1926 г. К подчёркнуто «мужским» отраслям, связанным с применением тяжёлых видов физического труда (свыше 90% мужчин среди всех рабочих), относились также горнодобывающая, деревообрабатывающая промышленность. В то же время доля женского труда в текстильной промышленности выросла с 45% в 1900 г. и 54% в 1913 г. до 72.3% в 1926 г. «Женскими» отраслями были табачная (81.5%) и швейная (67.6%)⁴⁶. Такое разделение труда следует рассматривать как свойственное для стран, находящихся на раннеиндустриальной стадии развития.

Указанное явление тем более примечательно, что эпоха войн 1914–1920 гг. нарушила соотношение полов: мужчин стало на 4.5 млн меньше, чем женщин, их доля в составе населения понизилась до 47.8%. В ряде возрастных групп женщины составляли от 52.4 до 61.8%⁴⁷.

Доля же женского труда в промышленности Германии составляла 21.4%, но только 14.4% — среди рабочих основных профессий⁴⁸, что отражало объективные затруднения на пути к индустриальному труду для «слабого пола».

Возрастной состав рабочих цензовой промышленности СССР показывал следующие закономерности. Во-первых, сокращение более чем в два раза от-

⁴¹ Васькина Л.И. Указ. соч. С. 93.

⁴² Там же. С. 92.

⁴³ Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 408. S. 181.

⁴⁴ См., например: Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981; Фельдман М.А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

⁴⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. С. 112.

⁴⁶ Подсчитано по: Крузе Э.Э. Указ. соч. С. 99; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 16–35.

⁴⁷ Население России в XX веке. Т. 1. С. 154.

⁴⁸ Подсчитано по: Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 408. S. 193.

носителем 1913 г. числа рабочих до 18 лет – наличие лишь 5.7% рабочих этой категории объяснялось возросшей конкуренцией за рабочие места и положениями Кодекса о труде⁴⁹. Однако обращает на себя внимание активный приток молодежи на производство: доля молодых людей 16–29 лет составляла почти половину рабочих – 47.8% мужчин и 52.2% женщин⁵⁰.

Во-вторых, заметна разница в доле возрастных категорий 20–24 лет (21%) и 25–29 лет (17.7%), отразившая активное участие старшей группы рабочих в Гражданской войне. Влияние Первой мировой войны более отчетливо видно при сопоставлении категории рабочих 20–29 лет (38.7%) и 30–39 лет (23.7%). Нетрудно заметить: число рабочих, в среднем приходящихся на «один год рождения», у невоевавших почти вдвое выше, чем у поколений, прошедших испытания войнами⁵¹.

В Германии влияние Первой мировой войны также отчетливо просматривалось при сопоставлении категории рабочих-мужчин 20–24 лет (18%) и 25–29 лет (12.8%), но особенно у возрастных групп 20–29 лет (30.8%) и 30–39 лет (16.9%), также фиксируя «двойное неравенство»⁵².

В-третьих, крайне тяжелые условия труда в большинстве заводских цехов, на шахтах и рудниках определяло и быстрое «вымывание» из рядов рабочего класса пролетариев «преклонных» возрастов (50 лет и старше). К последним материалы переписи отнесли только 7.5%⁵³. Примечательно, что аналогичный показатель по всему населению СССР был почти в два раза выше (13.2%)⁵⁴.

Для сравнения отметим, что в Германии по переписи 1925 г. рабочих старше 50 лет насчитывалось почти в два раза больше – 13.2%⁵⁵. Такое различие между двумя странами может рассматриваться как влияние различных стадий индустриального развития (в первую очередь, более безопасных условий труда⁵⁶).

В то же время увеличение доли российских промышленных рабочих старше 40 лет за период 1897–1926 гг. с 19.5 до 23% выступало как следствие медленного, но всё-таки очевидного улучшения положения. В целом изменения половозрастного характера указывают на тенденцию возвращения к традиционной для России половой и возрастной структуре рабочего класса.

Интерес представляют данные, касающиеся семейного состояния рабочих цензовой промышленности. 68.6% рабочих СССР были женаты, но только 42% работниц были замужем. В промышленности Германии эти показатели составляли соответственно 50.2 и 20.2%⁵⁷ (приведенные показатели нуждаются в дополнительном исследовании для раскрытия взаимосвязи сложности женского труда в промышленности и развития семейно-брачных отношений у женщин-работниц).

Из 612 329 женщин-работниц 101 681 являлись вдовами – каждая шестая работница цензовой промышленности СССР! У рабочих-мужчин показатель

⁴⁹ Подсчитано по: *Крузе Э.Э.* Указ. соч. С. 100; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 16–35.

⁵⁰ Население России в XX веке. Т. 1. С. 155.

⁵¹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 16–35.

⁵² Подсчитано по: *Statistik des Deutschen Reichs*. Bd. 408. S. 194.

⁵³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 16–35.

⁵⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 155.

⁵⁵ Подсчитано по: *Statistik des Deutschen Reichs*. Bd. 408. S. 192–193.

⁵⁶ См. об этом: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 43.

⁵⁷ *Statistik des Deutschen Reichs*. Bd. 408. S. 189.

вдовцов немногим превышал 1% от общего числа. Отметим и непопулярность разводов в рабочей среде: в разводе состояли только 0.5% мужчин и менее 4% женщин⁵⁸. На эти цифры прямо повлияли испытания предшествующего десятилетия; они же определили такую значительную разницу брачно-семейных показателей между полами. В Германии тем временем доля вдов среди работников была существенно (почти вдвое) ниже, не превышая 9%⁵⁹.

Анализ общеобразовательной подготовки рабочих цензовой промышленности СССР в отраслевом разрезе позволяет выделить три группы: печатники (уровень грамотности близок к 100%), горнорабочие (77.4%) и текстильщики (75.4%). Большинство отраслевых отрядов рабочих имело достаточно близкий диапазон показателей грамотности: 94–85%, при среднем показателе грамотности для всех промышленных рабочих 84.1%⁶⁰. Рост грамотности по сравнению с 1897 г. (48%)⁶¹ значителен, в частности, превышал средний показатель по всему населению (40.7%)⁶². Вместе с тем технический уровень промышленности СССР допускал сохранение широких масс рабочих с низким общеобразовательным уровнем. Они могли достигать квалификационных навыков не за счёт образованности, а в силу опыта и производственного стажа.

К сожалению, и здесь мы сталкиваемся с проявлением «политической целесообразности»: материалы переписи не содержали данных об уровне школьной подготовки рабочих. С учётом сказанного представляется допустимым использовать для сравнения показатели образовательного уровня рабочих по материалам профессиональных переписей 1918 и 1929 гг.

В 1918 г. рабочих, получивших образование выше начального, насчитывалось 1.8% от общего количества, имевших только начальное – 24.8%. Средняя продолжительность школьной подготовки у возрастных групп рабочих старше 23 лет по состоянию на 1929 г. изменилась незначительно: от 3.4 года у группы 23–29 лет до 3 лет у 30–39-летних и 2.9 года у рабочих старше 40 лет. Определённый скачок имел место у рабочих возрастом до 22 лет – в среднем 4.3 года школьной подготовки⁶³. В целом статистические данные позволяют утверждать, что к концу 1920-х гг. преобладающим слоем были рабочие с образованием не более трёх классов.

Между тем, новый этап индустриализации требовал школьной подготовки в объёме как минимум неполного среднего образования⁶⁴. Отсутствие её у подавляющего большинства промышленных рабочих становилось тормозом для развития страны. Вместе с тем уже в 1920-е гг. в СССР шёл по нарастающей процесс усложнения форм общей и профессиональной подготовки. Однако её предполагаемая всеобщность не подкреплялась принципом обязательности.

Для сравнения следует отметить, что в Германии к 1914 г. все дети с 6 до 14 лет были обязаны обучаться в восьмилетних государственных общеобразовательных школах. Соответственно и многочисленные низшие профессиональные учебные заведения были рассчитаны на молодых людей, окончивших

⁵⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. С. 30.

⁵⁹ Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 408. S. 190.

⁶⁰ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926. Т. XXXIV. С. 16–35.

⁶¹ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 179.

⁶² Население России в XX веке. Т. 1. С. 165.

⁶³ Подсчитано по: Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.) М., 1975. С. 89, 120, 162, 187.

⁶⁴ См.: Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 257, 259.

курс восьмилетней школы, их преподаватели могли сосредоточиться на технических и специальных дисциплинах для конкретной отрасли. Причём черты обязательности были присущи и системе профессиональной подготовки рабочей молодежи⁶⁵. В апреле 1920 г. было введено обязательное образование для детей и подростков до 18 лет. После восьми лет начального образования они должны были посещать среднюю общеобразовательную или профессиональную школу⁶⁶. В период 1920–1933 гг. 87% всех детей после четвёртого класса продолжали обучение в девятилетней школе, 9% поступали в вузы⁶⁷.

Результаты рассматриваемой переписи предоставили комплексные данные о жилищных условиях рабочих. 25.6% семей проживали в собственных домах⁶⁸ (тогда как по материалам переписи 1918 г. – 30%⁶⁹). Это означало, что основной контингент рабочих – владельцев своего жилья – сохранился. Как и до революции, подобный показатель был ничтожен в столицах (0.6% в Ленинграде, 0.9% в Москве); несколько возрос в Центральном черноземном районе (с 51.5 до 52.7%); оставался значительным в Центральном промышленном районе (21.8% в 1926 г. вместо 29.8% в 1918 г.). В Уральской же области в собственных домах проживали 59.2% рабочих.

Жильё у предприятий, учреждений, домоуправлений, домовладельцев снимали 64.4% рабочих ценовой промышленности, в том числе 46% – за плату и 18.4% – бесплатно. 4% рабочих снимали углы у квартиронанимателей. Ещё 6% не указали условия пользования жилищем⁷⁰.

В фабрично-заводской промышленности СССР из общего числа рабочих ценовой индустрии и членов их семей (4 млн человек) целый дом занимали 19.6%, отдельную квартиру – 26.3%, часть квартиры – 52% (в том числе более одной комнаты – 11.4%, одну комнату – 27.7%, часть комнаты – 15.9%), нежилые помещения – 0.6% и в общежитиях – 0.8%. Таким образом, разделение рабочих на домохозяев, квартиросъёмщиков и не имеющих жилья не только сохранилось, но и приобрело бóльшую остроту, чем до революции. Средняя норма обеспеченности жильём у рабочих составляла 4.65 кв. м⁷¹, что было вдвое ниже санитарных норм.

В целом можно отметить некоторое улучшение жилищных условий рабочих СССР. Прежде всего, в отличие от дореволюционного времени, только небольшая доля семейных рабочих в столицах и провинции проживала в общежитии и в нежилых помещениях.

Жилищные условия столичных рабочих сильно отличались от среднего по стране уровня: в максимально стеснённых условиях (часть комнаты, нежилое помещение) проживали 16.7% рабочих СССР, но в Москве – 12.4%, а в Ленинграде – 6.2%. Отдельную квартиру или более комнаты на семью имели 37.7%

⁶⁵ Кинд В.А. Пути и формы распространения профессиональных знаний. Петроград, 1916. С. 102–105. См. также: Погосев А.В. Фабричный быт Германии и России. М., 1882. С. 35. Автор, в частности, сообщает о законе от 16 мая 1853 г., по которому для допущения подростка к фабричной работе требовалось свидетельство о его удовлетворительных школьных познаниях. Сам закон требовал исправного посещения школы подростками в возрасте от 12 до 14 лет по крайней мере три часа в день.

⁶⁶ Веллер Г.У. Указ. соч. С. 452.

⁶⁷ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung... Bd. 12. S. 361.

⁶⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LIV. М., 1930. С. 324–325.

⁶⁹ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 121.

⁷⁰ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LIV. С. 324–325.

⁷¹ Там же. С. 302–303, 306–307, 308–309.

Жилая площадь рабочих фабрично-заводской промышленности СССР, приходящаяся на одного человека, % (декабрь 1926 г.)

Площадь занимаемого жилья	СССР	Москва	Ленинград	Уральская область	Центральный промышленный район
2 кв. м и менее	10.5	7.1	4	12.9	10.9
2–3	19	14	10.5	19.5	21.5
3–4	18.9	20.9	13.7	17.5	21.7
4–6	27	32.6	28.5	25	27.6
6–8	12.6	14.6	18.4	12.1	11.2
8–10	5.9	5.1	10.6	6.1	4.1
10–12	2.7	1.3	6.2	2.9	1.5
Более 12	2.8	0.6	8.1	3.6	1.2

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LIV. С. 302–303.

союзных и 61% ленинградских рабочих. В Москве в отдельной комнате проживали более половины рабочих⁷².

К 1927 г. оставалась невысокой (28%) доля семей рабочих, жилища которых имели водопровод. В то же время, в сравнении с 1923 г. возросла (с 52.6 до 64.8%) доля рабочих, пользовавшихся электричеством. Правда, в отличие от столиц, рабочие посёлки и города с населением до 150 тыс. человек практически не имели канализации и центрального отопления⁷³.

Наиболее полно обеспеченность рабочих промышленности СССР жильём отражена в таблице.

В СССР существовала минимальная санитарно-гигиеническая норма, равная 8 кв. м на человека. Данные таблицы показывают, что только 11.4% рабочих располагали жильём, размеры которого превосходили эту норму. Однако в Ленинграде этот показатель (24.9%) был в 2.2 раза выше. Переезд в Москву чиновников госаппарата, рост численности управленцев всех видов обусловил весьма скромные показатели московских рабочих (7%), близкие к уровню Центрального промышленного района (6.8%).

В целом существовали два различных слоя рабочих. Представители первого проживали в просторных помещениях. Как правило, это были либо хозяева прочных, основательных домов дореволюционной постройки, позволяющих рабочим удовлетворять бытовые потребности и восстанавливать силы, либо съёмщики отдельных квартир. Мог считаться бедствующим второй слой – его представители имели менее 3 кв. м на человека (29.5% всех рабочих). Прежде всего сюда относились проживавшие по пять и более человек в одной комнате (24.9%), в части комнаты, в нежилых помещениях и общежитиях (17.25%). Подобное неравенство особенно остро ощущалось в условиях более чем скромного быта 1920-х гг., и его нельзя было списать на региональную специфику.

Теснота, в которой проживала основная масса рабочих на десятом году советской власти, была столь очевидной, что дезавуировала заявления лидеров СССР о «коренном улучшении положения рабочих». Примечательный факт: образованную 25 февраля 1926 г. комиссию Политбюро по рабочему жилищ-

⁷² Там же. С. 286–287.

⁷³ Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. М.; Л., 1932. С. 6–27.

ному строительству возглавил секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов⁷⁴ – один из ближайших сподвижников Сталина. Однако это ничего не изменило: в 1926–1927 гг. Политбюро ЦК материалы комиссии не рассматривало, а затем она и вовсе прекратила существование⁷⁵.

Материалы переписи не содержали данных о землепользовании промышленных рабочих. Однако можно обратиться к данным выборочного бюджетного обследования, проведённого в РСФСР в 1926/27 г. Согласно им, насчитывалось 18.9% рабочих семей, имевших землю сельскохозяйственного пользования. Домашний скот держало 18.5% хозяйств, домашнюю птицу – 22.8%. Земельный надел (в среднем 0.5 десятин на хозяйство) большей частью использовался под покос⁷⁶.

По данным профессиональной переписи 1918 г., свою землю или землю семьи имели в среднем 31.3% рабочих России. Получается, что, несмотря на множество ограничительных мер, страх проговориться о наличии собственности («Некоторая часть опрошенных скрывала свою связь с землёй», – стыдливо отмечал А.Г. Рашин⁷⁷), основная масса рабочих-владельцев сохранила свои земельные участки!

В чём же заключалось отличие землепользования рабочих 1926–1927 гг. от дореволюционного? Во-первых, в уменьшении размера земельных участков: например, если в предвоенные годы на мужскую душу рабочего Урала приходилось 3.8 десятин, то в 1926 г. такую площадь обрабатывало уже одно хозяйство. Сокращение, таким образом, достигло примерно четырех раз. Во-вторых, стали меньше посевные площади⁷⁸. Однако в целом можно говорить о том, что в период нэпа, по сути, восстановился социокультурный тип рабочего, характерный для дореволюционного периода. Конечно, изменился масштаб аграрного труда, ослабевали связанные с ним традиции, однако рабочий 1920-х гг. был по-прежнему очень далёк от образа «классического, по Марксу» пролетария.

Промышленные рабочие СССР – «класс-гегемон» по официальной терминологии – были низкооплачиваемой категорией трудящихся. В 1926–1927 гг. это ещё открыто признавалось в научных публикациях. Показательна в этом плане статья Л. Забелина в печатном органе наркомата труда – журнале «Вопросы труда». Автор с беспокойством отмечал, что разница между зарплатой в наиболее высоко и наиболее низко оплачиваемой отраслях промышленности значительно снизилась. В 1913 г. она выражалась коэффициентом 2.1, 1922/23 г. – 2.2, 1923/24 г. – 1.9, 1924/25 г. – 1.8, 1925/26 г. – 1.6⁷⁹. Также отмечалось, что реальная заработная плата в 1925/26 г. отставала от довоенной, составляя по всей промышленности (планируемой ВСНХ) 90.8%; в добывающей – 73%;

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 548, л. 3.

⁷⁵ Косвенным подтверждением работы комиссии по рабочему жилищному строительству стало принятие 25 октября 1926 г. декрета СНК и ЦИК СССР «О льготах по рабочему строительству», разрешающего рабочим вступать в жилищно-строительные кооперативы и за свои деньги строить весьма дорогостоящее жильё. Однако в 1937 г. ЖСК были упразднены и их собственность (а значит, и квартиры рабочих) передана в ведомственное подчинение предприятиям или местным советам. В вину ЖСК вменялось то, что «жильё фактически превратилось в личную собственность» граждан. См.: Собрание узаконений СССР (далее – СУ СССР). 1937. № 69. Ст. 314; № 74. Ст. 360. О жилищно-кооперативном строительстве рабочих см.: *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала... С. 265–266.

⁷⁶ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1: Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. М., 1929. С. 23.

⁷⁷ См.: *Рашин А.Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 25.

⁷⁸ Подробнее см.: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 114.

⁷⁹ Вопросы труда. 1927. № 10. С. 86.

в металлической (машиностроение и металлургия) – 81%. Только в химической, бумажной, лёгкой и пищевой отраслях наблюдалось превышение довоенного уровня⁸⁰. По сути, в косвенной форме выносилась оценка политики государства в области заработной платы: в первой половине 1920-х гг. в тяжёлом положении оказались рабочие всех отраслей промышленности СССР.

Такое положение обуславливалось не только низкой рентабельностью советской промышленности, но и позицией руководства СССР. Так, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О необходимых хозяйственных мероприятиях на ближайший период» (февраль 1926 г.) прямо указывало: номинальную заработную плату рабочих оставить на существующем уровне⁸¹. Впрочем, если по принятой в СССР методике причислить к заработной плате рабочих ряд социальных программ в денежном выражении (стоимость бесплатно предоставляемого помещения, бесплатного отопления, освещения, канализации и других расходов), то общая сумма средней заработной платы увеличится на 10%. Прибавление же расходов на содержание фабрично-заводских училищ, санаториев, детских садов и яслей, финансируемых государством, позволяло официальным органам завышать величину реальной заработной платы рабочих ещё на 20%⁸².

Однако подобные декларации звучали фальшиво на фоне ещё публиковавшихся сведений о повышении платы за жильё в среднем с 5.7% в 1925 г. до 6.7% расходного бюджета в 1926 г., а также о том, что более трети советских рабочих жили в ноябре 1926 г. без электрического света⁸³. Спустя несколько лет журнал Госплана приводил – уже как позитивный пример – данные о сокращении доли рабочих, получавших бесплатное жильё от предприятий: 19.2% в 1927/28 г., 15.9% в 1928/29 г. – и только 7.5% в 1929/30 хозяйственном году⁸⁴.

Примечательная черта эпохи: в ряде публикаций конца 1920-х гг. можно найти данные о том, что советские рабочие в 1927/28 г. могли приобрести меньше товаров и продуктов, чем в 1913 г.⁸⁵ Наши подсчеты подтверждают мнение Ю.М. Иванова о том, что жизненный уровень пролетариата в 1920-е гг. оставался ниже существовавшего в царской России. Больше того, этот факт признавался до 1927 г. (по официальным данным, в 1925/26 г. средняя месячная зарплата рабочих ценовой промышленности СССР достигла 91.3% уровня 1913 г.)⁸⁶.

Ещё одним следствием уравнительной политики власти стало уменьшение доли высокооплачиваемых рабочих, получавших зарплату в размере более двух средних заработков. По всей стране она сократилась за 1924–1928 гг. с 6.7 до 5.8%⁸⁷, тогда как в июне 1914 г. составляла 9.7%⁸⁸. С точки зрения борьбы с «рабочей аристократией» результаты были налицо. В наибольшей степени этот продиктованный идеологическими соображениями курс «удался» в металлопромышленности: в 1929 г. только 1.8% рабочих-металлистов мужского

⁸⁰ Там же. С. 84–85.

⁸¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 548, л. 16.

⁸² Вопросы труда. 1926. № 12. С. 32.

⁸³ Вопросы труда. 1927. № 1. С. 26.

⁸⁴ Поляк Г. К вопросу об уровне жизни рабочего класса СССР // Плановое хозяйство. 1931. № 5–6. С. 111.

⁸⁵ См., например: Рабочие Урала – рабочим Москвы. М., 1930. С. 8, 10. Сообщалось, что рабочий Урала мог купить на свою зарплату 2.4 бюджетных набора, тогда как до революции – 3.

⁸⁶ Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 1920 – начале 1930-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28, 32.

⁸⁷ Вопросы труда. 1930. № 6. С. 47.

⁸⁸ Подсчитано по: Россия 1913 г. Статистически-документальный справочник. СПб., 1913. С. 312–313.

пола получали зарплату в размере более двух средних заработков⁸⁹. В целом же система оплаты труда обуславливала весьма низкую мотивацию к труду.

В советской историографии обоснованно отмечались позитивные сдвиги в улучшении условий труда на фабриках и заводах – прежде всего, в деле сокращения рабочего дня: с 10 ч в 1913 г. до 7.6 ч в середине 1920-х гг.⁹⁰ Журнал «Вопросы труда» уточнял: с 9.7 ч в 1914 г. до 7.6 ч в 1926 г. В общем сокращение рабочего времени определялось на уровне 25%⁹¹. Однако тот же журнал отмечал и масштаб сверхурочных работ (на каждого рабочего, по данным ЦСУ, в 1926 г. пришлось в среднем от 15 до 18 сверхурочных часов в месяц). Особенно велики они были в металлопромышленности, причём зачастую проводились без разрешения инспекции труда: если официально было санкционировано около 8 млн сверхурочных часов в квартал, то в реальности только в ценовой промышленности этот показатель составил 10–12 млн.

Бедность и сверхзанятость подавляющего числа рабочих прямо влияла на культурно-просветительские расходы. Они оставались крайне низкими все годы нэпа (1.7% всех расходов семьи в декабре 1922 г. и в ноябре 1926 г., 1.8% – в ноябре 1927 г.⁹²), и даже оказались ниже, чем до революции. Этот показатель смотрелся скромно также на фоне аналогичных расходов США (4.7% в 1918 г.) и Германии (5.4% в 1926 г.)⁹³.

Применительно к промышленным рабочим 1926 г. справедливо будет говорить не об исчезновении политической оппозиции, а об её маскировке. Диапазон последней был широк – от сокрытия своих взглядов, показного отмежевания от действий «врагов советской власти», до упрочения конформистских настроений и установок⁹⁴. Подтверждают эту мысль и данные проведённого в 1924 г. обследования религиозности московских рабочих. Оно позволило разделить контингент на три группы: крупнейшую (38%) составили те, кто посещал церковь только по большим праздникам; систематически это делали 24%; не ходили в храм 25%⁹⁵. Примечательно, что после семи лет жесточайших антиклерикальных гонений, вопреки всем усилиям, три четверти рабочих-москвичей по-прежнему оставались религиозными.

Не менее интересны и оценки уровня развития рабочих лидерами правящей партии. Так, стенограмма заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 ноября 1923 г. содержит реплику Сталина: «Рабочий класс малочисленен, он не очень культурен»⁹⁶. Анализ последующих массовых обследований промышленных рабочих мог лишь убедить «вождя» и его окружение в наличии у квалифицированных рабочих «иной культуры».

Выход виделся в максимальном вовлечении рабочих в партию – однако они не спешили пополнять её ряды. В закрытом письме Сталину (1925 г.) Уралобком

⁸⁹ Подсчитано по: Люстрых Е. Влияние образования и стажа на эффективность труда // Плановое хозяйство. 1930. № 7–8. С. 275–276.

⁹⁰ См.: История советского рабочего класса. Т. 2. С. 100–101.

⁹¹ Вопросы труда. 1927. № 10. С. 5.

⁹² Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. С. 28.

⁹³ Там же. С. 76.

⁹⁴ Подробнее см.: Яров С.В. Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920 годов. СПб., 2006. С. 412–559.

⁹⁵ Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970. С. 134.

⁹⁶ См.: Рождение партийной номенклатуры (публикация подготовлена М.В. Зеленовым) // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 11.

признавал, что наименьшим влиянием коммунисты пользуются на Надеждинском и Мотовилихинском заводах – крупнейших на Урале. В отчете Уралобкома на областной партконференции (1927 г.) отмечалось, что только 43.7% пролетариев-коммунистов являлись квалифицированными рабочими⁹⁷. Массовое обследование пяти крупных предприятий Урала (1924 г.) показало: 20% рабочих не желали вступать в ВКП(б) в принципе, ещё 57% объясняли свой отказ малограмотностью, что, скорее всего, также являлось скрытой формой отказа⁹⁸.

Было ли это локальным или региональным явлением? Информационная сводка ЦК, поступившая в 1927 г. в губернские комитеты партии, сообщала: партийная прослойка среди рабочих промышленности СССР снижалась по мере роста численности трудовых коллективов (!), составляя, например, на предприятиях от 100 до 500 рабочих – 13.1%, от 1 до 3 тыс. – 8.5%, от 3 тыс. и выше – 6.4%⁹⁹. Ясно, что такое политическое поведение трудящихся (особенно на крупных предприятиях) оказалось для руководства СССР неприятной неожиданностью.

Ещё одним «моментом истины» стали выборы в городские советы СССР в 1925 г.: явка по стране составила 48.9%. Несмотря на мощную пропагандистскую кампанию, обескураживала степень интереса в таком важном политическом событии трудовых коллективов: у текстильщиков явка на выборные собрания составила 56.6%, у металлистов – 63.9%¹⁰⁰.

Иллюзии советских лидеров в отношении квалифицированных рабочих крупных предприятий как «самого революционного класса» и авангарда борьбы за построение коммунизма постепенно исчезали. В постановлениях ЦК ВКП(б) «О регулировании роста партии» (декабрь 1926 г.) и «О партийной работе на крупных предприятиях» (август 1927 г.) открыто говорилось о том, что партийная прослойка на крупных предприятиях меньше, чем на мелких и средних, отмечались трудности привлечения в партийные ряды кадровых, квалифицированных рабочих¹⁰¹. В последующих документах ЦК вопрос о приоритетном привлечении последних отходит на второй план, уступив место агитации среди рабочих вообще¹⁰². Постоянные неудачи партийной работы среди пролетариата наводят на мысль о его «недостаточной» покорности власти.

Анализ материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. в совокупности с иными документами и исследованиями позволяет сделать вывод как о стратегиях социального поведения промышленных рабочих СССР, так и о прозрении руководства Советского государства в отношении «передового класса». «Диктатура пролетариата» сохранялась на уровне лозунгов, реальная же социальная политика предполагала совсем иные цели и действия. Рубеж 1926–1927 гг. стал своего рода водоразделом – временем перехода от относительно мягкого курса к форсированной индустриализации.

В результате вектор в «рабочем вопросе» резко изменился. Вышло указание о лишении пенсий рабочих, служивших в Белой армии; руководству предприятий было предоставлено право выселять рабочих из жилищ всех

⁹⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф. 4, оп. 5, д. 5, л. 429; Пермский государственный архив новейшей истории, ф. 557, оп. 4, д. 91, л. 1; РГАСПИ, ф. 17, оп. 31, д. 123, л. 19; д. 116, л. 2.

⁹⁸ Уральский коммунист. 1924. № 7–8. С. 45.

⁹⁹ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 5, д. 45, л. 3.

¹⁰⁰ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 117.

¹⁰¹ Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М., 1928. С. 504, 506, 514.

¹⁰² См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, д. 677, л. 63–65.

форм собственности. В сентябре 1931 г. постановлением ЦИК и СНК СССР администрация оборонных предприятий получила право выселять рабочих из прилегающих посёлков¹⁰³. В ноябре 1932 г. эта мера была распространена на рабочих всех предприятий¹⁰⁴, включая жильцов ЖСК. К названному нужно добавить постановление правительства о жёсткой регламентации премий, зарплат, фондов заработной платы в целом¹⁰⁵; постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1931 г. об удалении с предприятий «социально чуждых элементов»¹⁰⁶, перевод с января 1933 г. ряда индустриальных центров на положение режимных городов, где в связи с введением паспортов фактически было запрещено проживать «лишенцам» и «раскулаченным»¹⁰⁷; и т.д. Власть от заигрывания с рабочими решительно перешла к жёстким административным мерам.

Заметим, что вал директив сочетался с решениями политического характера: укажем хотя бы на постановление ЦК и СНК от 3 марта 1931 г. о запрещении выдвижения рабочих на советскую работу¹⁰⁸. В тексте документа срок запрета определялся в два года, однако руководство ВКП(б) фактически завершило эксперименты с массовым «выдвиженчеством» из рабочей среды: сформировавшейся бюрократии важны были уже не классовые, а номенклатурные принципы.

Подводя итог, укажем, что публикация материалов Всесоюзной переписи населения и сопутствующих исследований выявила подлинный облик промышленного рабочего СССР. Он был далёк от догм марксизма, ибо рисовал картину жизни относительно немногочисленного слоя общества с весьма невысоким уровнем образования, материальной обеспеченности и культурных запросов, но не желающего покорно сносить эксплуатацию со стороны государства. Всё это, конечно, было далеко от представлений руководства страны, поэтому на столь откровенные публикации о социальном положении оно больше не решалось. Более того, с конца 1920-х гг. вообще исчезли публикации, рисующие положение советских промышленных рабочих сколько-нибудь правдиво (это касалось и ведомственных изданий, таких как журнал «Вопросы труда»¹⁰⁹). Власть всё больше отчуждалась от них, что позволило начать индустриальный рывок, основанный на подавлении и ограблении большинства населения страны, а также эксперимент по строительству тоталитарного государства.

Однако, стремясь преуспеть в соревновании с промышленностью капиталистических стран, советское руководство было вынуждено заняться общегосударственными программами общеобразовательной и профессионально-технической подготовки индустриальных рабочих, в чём ярко проявилась двойственность практики «социалистического строительства»: утопическо-террористическая тенденция сочеталась с прагматической. И перепись населения 1926 г. показала потенциальную возможность успешного ускоряющего рывка и сближения с показателями высокоразвитого европейского государства – главного соперника советской державы.

¹⁰³ СУ СССР. 1939. № 60. Ст. 387.

¹⁰⁴ Там же. 1932. № 78. Ст. 475.

¹⁰⁵ Там же. 1931. № 4. Ст. 47; № 81. Ст. 493.

¹⁰⁶ См.: Вопросы труда. 1931. № 1. С. 81.

¹⁰⁷ Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социс. 1995. № 8–9. С. 4.

¹⁰⁸ СУ СССР. 1931. № 20. Ст. 172.

¹⁰⁹ См.: Фельдман М.А. Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне власти по рабочему вопросу (осень 1927 г.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 136–144.